

Посвящается родным руским богам.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Игоря, сына Святослава, внука Олегова.(1185 год)

(написанное Князем Игорем, в крещении Георгий, после его поражения от половцев, когда он понял, что истинная причина усобиц на Руси это принятие Владимиром чужой религии, христианства, поэтому слово написано на основе старой русской ведической веры)

Не лепо (красиво) ли, нам будет, братья, начать старыми словесами трудную повесть о полку Игореве, Игоря Святославича? Начаться же той песни по былинам сего времени, а не по замыслению Бояна (знаменитый песнопевец).

Ибо Боян вещий (знающий будущее), если кому хотел песнь сотворить, то растекался мыслью (белкой) по дереву, серым волком по земле, сизым орлом под облака,-- вспоминая и реча о первых временах усобиц.

И тогда, пускали десять соколов на стадо лебедей, которого (чей) долетал, тот первый песнь пел старому Ярославу (мудрому), и храброму Мстиславу(брат Ярослава), которые зарезали (в единоборстве) Редедю (князь кософов), перед полками касожьскими. И Красному Роману Святославичю.

Боян же, братья, не десять соколов на стадо лебедей пускал, он свои вещие персты (пальцы) на живые струны вскладывал и они же сами князьям славу рокотали.

Почнем же, братья, повесть сию, от старого Владимира (Красно солнышка) до нынешнего Игоря. И так притянув в свой ум крепость, и заострив сердце свое мужеством, наполнившись ратного духа, повел он свои храбрые полки на землю Половецкую (половцы один из родов славяно – арийцев, цвет волос соломенной половы, участвовали в усобицах, в ранних летописях упоминались под именем Готы) за, землю Рускую.

Тогда Игорь взирает на светлое Солнце и видит, -- что от него тьмою все вои его прикрыты (затмение 1 мая 1185г.). И речёт Игорь к дружине своей: «Братья и дружина! Лучше ж быть порубленным, нежели полоненным быть, так сядем, братья, на своих быстрых комоней (коней), да позрим на синий Дон!»

Спала (пришла) князю на ум похоть, и желание искусити Дону великого, знамение ему застило ум. «Ибо хочу,--рек,- преломить конец копья на поле половецком с вами, русичи. Хочу главу свою приложить, и любо мне испить шеломом (шлемом) Дону!»

О Боян! Соловей старого времени, абы ты эти полки
скачущие ущекотал(ублажил), славою? Мыслью по древу
теча, летая умом под облаками, свивая славу вокруг сего
времени! Рыская по тропе Трояновой через поля на горы.
И поя былые песни Игорю, внуку того (Олега).
«Не буря соколов занесла через поля широкие, галичан
стада бегут к Дону великому».

Как не воспеть былое, вещей Боян,-- **Велесов** (бог славян,
покровитель мудрости) **внук!** Комони (кони) ржут за
Сулою (река), — звенит слава в Киеве. Трубы трубят в
Новограде, — стоят стяги в Путивле (город). И Игорь ждет
мила брата Всеволода. И речет ему Буй-Тур (потомок
богини Земун, принимающей иногда образ коровы,
корович) Всеволод: «Один брат ты, один свет светлый,
Игорь, оба есть мы Святославичи! Седлай, брат, своих
быстрых коней, а мои то, готовы, оседланы у Курска
впереди. А мои то куряни — сведущие кьмети: под
трубами побывали,

под шеломами взлелеяны,
концами копий вскормлены.
Пути им ведомы,
Яруги (овраги) им знаемы,
луки у них напряженны;
тулы (колчаны) отворены, сабли изостренны,
сами скачут, аки серые волки в поле,
ищут себе чести, а князю славы.»

Тогда вступил князь Игорь, в золотой стремя
и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою путь
заступает; ночью стоны ему грозят, птичий свист
пропал, звери в стада сбились. **Дива** (богиня, жена
бога войны Перуна) **кличет вверху дерева, велит
послужить землям незнаемым** (волхвам провести
специальный обряд, службу, что Игорь не сделал),
**Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и
Корсуню, и тебе, Тьмутороканский** (город на
Кубани) **болван** (каменный кумир древнего русского
бога, покровителя Тьмуторокани).

А половцы неготовыми дорогами побежали к Дону
великому; скрипят телеги, ржание в полночи, лебеди
потревожены. И Игорь к Дону воев ведет. Уже о бедах
познав по подобию (способ предсказания) птиц; И
волки грозу ворожат по яругам; И орлы клекотом, **на
кости** зверей зовут; И лисицы брешут на червленые
щиты. О Руская земля! Уже за холмом ты (далеко)!

Долго ночь меркнет. Заря свет запалила, мгла поля
покрыла.

Щекот(щебет) соловьиный уснул, и говор галичан убыл.

Русичи великое поле червлеными щитами
перегородили, ищущи себе чести, а князю славы. С зари в
пятек (пятница) потоптали поганые полки половецкие
рассыпаясь стрелами по полю. И помчали **красных девок,
половецких** (захватили обоз), а с ними золото, и паволоки
(шелковые накидки), и драгоценные оксамиты. А открытыми
покровами, и кожухами, и всякими узорочьями половецкими
начали мосты мостить по болотам и грязевым местам.

А червленый стяг с белою хорюговью (штандарт) и
червленной челкой, и серебряное оружие, — храброму
Святославичю!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо (род Олега деда
Игоря), далече залетело! Не было оно для обиды порождено ни
соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, ни поганому
половцу!

Газак (казак) бежит серым волком, Кончак (предводитель
половцев) ему след правит к Дону великому (направляет
казаков против Игоря).

Другого дня, весьма рано, кровавые зори свет поведают.
Черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца
(четырёх князей гнезда Олегова), а в них трепещут синие
молнии. Быть грому великому!

Идти дождю стрелами с Дона великого! Тут то копьям
приламаться, тут то саблям притупится о шеломы половецкие
на реке на Каяле (Ея), у Дона великого.
О Русская земля! Уже за холмом есть.

Се ветра, **Стрибожьи внуки**, веют с моря стрелами на
храбрые полки Игоревы. Земли тут нет, и реки мутные
текут, поросль поля прикрывает, и стязи глаголют:
«Половцы идут от Дона, и от моря, и от всех стран.» Русские
полки отступили. Дети бусовы (Бус князь Антов славяно-
арийский род, 4 век н. э) кликом (клином?) поля
перегородили, а храбрые русичи перегородили червлеными
щитами.

Яр Туре Всеволод(брат Игоря) стоит на обороне и прыщет
на воев стрелами, гремит о шеломы мечами харалужными
(булатными). Где Тур, проскачет, своим золотым шеломом
посвечивая, там лежат поганые головы половецкие.
Посечены саблями калеными шеломы аварские от тебе, Яр
Туре Всеволод! Какою раной дорожит он братья? Позабыв о
почестях, о жизни, и о граде Чернигове отцовском золотом
престоле. И о желании своей милой, прекрасной Глебовны
(жена Всеволода), привычках и обычаях!

Были века Трояновы, минули лета Ярославовы(мудрого);
были полки Олеговы, Олега Святославича (не деда Игоря, а
Тьмутараканского). Ибо тот Олег мечем крамолу ковал, и
стрелы по земле сеял. Ступал он в золотое стремя в граде
Тьмутаракане, и тот же звон (битвы) слышал давний
великий Ярослав сын Всеволодов, а Владимир по всем

утрам уши закладывал в Чернигове.

Бориса же Вячеславича слава на суд привела и на Канине (река) зеленую папелону постлала (смертное покрывало), за обиду Олегову, **храброму и младому князю**. С той же Каялы, Святополк с поля (битвы) отца своего увез на угорских иноходцах ко святой Софии к Киеву (и похоронил там).

Тогда при Олеге Гориславиче (Тьмутораканский, Гориславичем прозван за то что много горя принес) **сеялась и росла усобица. Погибала жизнь Дажьбожих внуков**. (русские считают себя прямыми потомками славяно-арийских богов в том числе и Дажьбога, правнука богини Земун) В княжских крамолах век человеческий сокращался; тогда по Руской земле редко окрик ратаев услышишь, но часто вороны граяли, трупы себе деля. И галки свою речь говорили, желая полететь на пиршество. **То было в те рати и в те полки, а сейчас битвы такой не слышано.**

С зари до вечера, и с вечера до света, летят стрелы каленые, гремят сабли о шеломы, трещат копы харалужные, в поле不知емом, среди земли **Половецкой**. Черная земля под копытами костью была посеяна, и кровью полита. Беда взошла по Руской земле!

Что мне шумит рано пред зорями, что мне звенит далече? Это Игорь полки заворачивает, ибо жаль ему мила брата Всеволода! Бились день, бились другой, третьего дня к полудню пали стяги Игоревы. И тут братья разлучились, на берегу быстрой Каялы. Там кровавого вина не доставало, и тот пир dokonчили, храбрые русичи, сваты побоища, а сами полегли

за землю Рускую.

Поникла трава от жалости, и дерево от беды к земле преклонилось. Ибо уже, братья, невеселая година восстала, уже пустыня силу прикрыла! **Восстала Обида** (русская богиня, принимающая часто образ лебедя) **в силах** (в полках) **Дажьбожьих внуков**, **вступила девою на землю Троянову, всплескала лебедиными крыльями на синем море у Дона пляшучи. Ушли благие времена**. Усобица ведь, на погибель князьям от поганых, ибо рек брат брату: «Семое, и то- то же мое!». И начали князья, про малое, молвить, -- «се великое», и сами на себя, крамолу ковать. А поганые, из всех стран приходят с победами на землю Рускую!

О! Далече залетает сокол птицу бья, — к самому морю! И Игореву храброму полку уже не воскреснуть! За ними кликнули (позвали) **Карну, и Жалю** (русские богини судьбы и перерождений умерших душ) **«Пойдите до Руской земли, смаг умыкая (забирая души воев с дымом кроды) в пламене кроды (погребальный обряд сожжения воинов)»**. Жены русские всплакали, от кручины : «Уже нам

своих милых лад (любимых) ни мыслию смыслить, ни думою сдумать, ни очами с глядеть, а злата и серебра того не потребно нам ».

И застонали, братья, Киев и Чернигов от беды и напасти той. Тоска разлилась по Руской земле, печаль жирная течет среди земли Руской. А (ведь) князья сами на себе крамолу ковали, и поганые своими победами накинудись на Рускую землю, имея дань по белке от двора.

Ибо те два храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, уже ложь пробудили ту, которою, успел было отец их, грозный Святослав, великий Киевский (князь) грозою битв потрепать. Своими сильными полками и харалужными мечами, наступил он на землю Половецкую, притоптав холмы и яруги, возмудив реки и озера, иссушив потоки и болота, а поганого Кобьяка (князь половцев) из лукоморья с железными великими полками Половецкими, яко вихрь исторг. И пал Кобьяк в граде Киеве, в гриднице Святославовой (попал в плен). Тут немцы и венеды, тут греки и моравы поют славу Святославу, кают князя Игоря, так как он погрузил богатство на дне Каялы реки Половецкой. Русаго золота насыпавши! Так князь Игорь соскочил из седла златого, в седло кошеево (вражеское)! И уныние городам пришло, а веселие поникло.

И Святослав мутен сон видит в Киеве на горах, и речет: «Сей ночью с вечера накрывали, меня, черною паполоною (смертное покрывало) на кровати **тисовой**, **черпали** мне синее вино с тругом (горечью) смешанное, **сыпали** мне тощими тулами поганые толковины (прислужники), великий жемчуг на лоно, и нежили меня. Уже крыша дощаная без конька в моем тереме златоверхом! И всю ночь с вечера бусовы вороны взыграли у Плесеньска на болоти, в бывших дебрях Кисановых, и неслись к синему морю».

И рекли бояре князю: «Уже, княже, беда ум полонила; ибо это два сокола слетели с отчего стола златого, поискать града Тьмуторокани, и любо им испить шеломом из Дона. Уже соколом крылья подрезаны, погаными саблями, а сами они опуганы **в путины** железные. Ибо темно в третий день наступило : два солнца померкли, два багряных столпа погасли (Игорь и Всеволод), и с ними молодые месяцы, Олег племянник Игоря) и Святослав, тьмою заволоклись, и в море погрузились. И великое, горькое буйство подано ханово. На реке на Каяле тьма свет покрыла: по Руской земле простерлись половцы, аки парда (белый леопард) гнездо. Уже несется хула на хвалу, уже ударила нужда на волю, уже снизошла Дива на землю (дать глоток живой воды погибшим воинам и забрать храбрецов в небесный полк Перуна). И это Готские красны девы (Половецкие девы, так как Готы и половцы один и тот

же народ), воспевают на берегу, синему морю, звоня руским золотом; поют о времени Бусовом (Бус Белояр князь Антов погибший от рук Готов), лелеют мечь Шароканю (город половцев разграбленный русами). И мы уже, дружина, лишены веселия».

Тогда великий Святослав изронил золотое слово, со слезами смешенное, и рек: «О! Мои сыновья, Игорь и Всеволод! Рано вы начали Половецкую землю мечами воевать, и себе славы искать. Но нечестно одолели вас, ибо нечестно кровь поганых пролита. Ваши храбрые сердца в жестоком харалузе скованы,

и в буйстве закалены. Это ли сотворили вы моей серебряной седине? И уже не вижу власти сильной, и богатой, и многовойсковой, брата моего Ярослава с черниговскими боярами, **с могутами, и с татарами (тати арийские, служили у Ярослава хотя шел 1185год)**, и с шелбирами; и с топчаками, и с ревугами, и с ольберами (обры). Ибо те без щитов с кинжалами засапожными, кликом полки побеждают, звеня прадедов славою. Но вы рекли: «Воюем сами, первую славу сами похитим, и заднюю сами поделим!»

И это диво, братья, старому помолодеть. Коли сокол выученный бывает, высоко он птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду. Но это зло княжеское (ваше) мне не в помощь, низменные години обратились!»

Это ура мы кричим под саблями половецкими, а Володимир под ранами; Беда и тоска сыну Глебову!

«Великий княже Всеволод (Олегович Тьмутараканский, знаменитый волхв, летописи говорят что мог он летать)! Не мыслишь, ли ты прилететь издалеча, от злата стола (престола), нас поблюсти! Ибо ты можешь Волгу веслом распылить, и Дон Шеломом вылить! Если бы ты был, то была бы чара, на поганых, и кощей (злодей) порезан (был бы)! Ибо ты можешь и посуху (без дождя и грозы) живыми шереширами (огненный шар, шаровая молнии) стрелять, дай удадь сынам Глебовым!»

«Ой ты, буй Рюрич и Давыд! Не ваши ли золоченые шеломы по крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкает, ако туры, раненые саблями калеными, на поле незнаемом. Вступите, государи, в золотые стремяна за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоря, буй Святославича!»

«Восьмимысл Ярослав Галицкий, высоко сидишь на своем златокованном столе (престоле), подпер горы Угорские своими железными полками, заступив королю путь, затворив на Дунай ворота, меча времена через облака; суды рядиш до Дуная. Грозы твои по землям текут, отворяешь Киеву врата, стреляешь с

отцовского злата стола (престола) султанов за (далекими) землями. (мог поражать издали) Стреляй, же государь, Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоря буй Святославича!»

«И ты, буй Роман, и Мстислав! Храбрая мысль носит ваш ум на дело! Высоко плавает на дело в буйстве, яко сокол на ветрах расширяется, желая птицею в буйстве одолеть. Ибо суть у вас железные латы под шеломами латинскими. Теми и потрясли (вы) землю, и многие страны и ханства. Литву, Ятвягов, Деремела и Половцов с границ своих поворотив. И главы их заставив поклонить под те мечи харалужные ваши.»

Но княже Игорю уже утреннее солнце не светит, и древо не от благодати листву уронило по России и по Суле города поделены, и Игореву храброму полку не восстать! Дон тех, князей, кличет и зовет князей на победу. Олеговичи, храбрые князи, доспели на брань!

«Ингвар и Всеволод и все три Мстиславича, не худого гнезда шестокрылы (соколы)! Не победным жребием себе власть достали! Зачем вам ваши златые шелома и копыя и щиты ляхцкии? Загородите поля ворота своими острыми стрелами за землю Рускую, за раны Игоревы, буй Святославича?»

Ибо уже Сула не течет серебряными струями к граду Переяславлю, и Двина болотом течет оным грозным половцам под клики поганых. Один же Изяслав, сын Васильков, позвонил своими острыми мечами о шелома литовские, добавив славу деду своему Всеславу. А сам под червлеными щитами, на кровавой траве, потрепан литовскими мечами, и рек на смертной кровати: «Дружину твою, княже, птицы крыльями приодели, и звери кровь полизали!» Не было тут брата Брючяслава, ни другого — Всеволода, **один же изронил жемчужную душу из храброго тела через златое ожерелье.** Уныли голоса, поникло веселье, трубы трубят городские. Ярослав и все внуки Всеслава! Уже склоните стяги свои, вонзите свои мечи поврежденные, ибо уже ушли вы от дедовой славы! Так вы своими крамолами начнете наводить поганых на землю Рускую, на жизнь всеславную, ибо будет насилие от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояновом **ворожил Всеслав (Полоцкий князь волхв, даже рожденный согласно летописей при помощи волхования) жребий о девице себе любой. Той клюкой (посох жреческий) подперся(опирался на волхование) сел на коня и скакал к граду Киеву, и дотянулся острием (копья) до златого стола (престола) Киевского(захватил престол). Скакал от них (от**

Киевлян) лютым зверем в полночи из Белграда, окруженный синей мглой, а утром уже возникнув вихрем, отворил врата Новуграду, расшиб славу Ярославу. Скакал волком (мог, согласно летописей обращаться в животных) до Немиги (река) с Дудуток. На Немиге снопы стелют головами, молотят цепями харалужными, на ток жизнь кладут, веют душу от тела. Немиги кровавые берега, не половом были посеяны, а посеяны костями Руских сынов (была большая сеча).

Князь Всеслав людей судил, князьям города рядил, а сам в ночь волком рыскал (оборотень), из Киева добегал до петухов до Тмуторокани, великому Хорсу (бог покровитель движения солнца и волков) волком путь перерыскивал (то есть волком бегал до рассвета). Ему в Полоцке позвонили заутреню рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве звон слышит. А еще и вещая душа (у него) в другом теле (мог менять тела, обращаться), но часто он от беды страдал.

Потому вещей Боян и первую припевку, придуманную, рек:

«Ни хитрому, ни гораздому, ни птицей гораздому (могущему оборотится птицей), суда богов не миновать!»

Ой! Стонать Руской земле, вспоминая первую годину и первых князей! (первых после крещения). Того старого Владимира (ясно Солнышка) нельзя ли было пригвоздить к горам Киевским! Ибо сегодня ныне стали стяги Рюриковы (варяжские), а другие— Давидовы. (еврейские, Владимир по отцу потомок Рюрика, по матери еврей, внук еврейского раввина, по летописям равич, введя христианство на Руси, посеял усобицу на религиозной почве) Нас разнеся, им холопы пашут, и копя поют на Дунае!

Ярославовны (жена Игоря) глас слышен, горлицей незнаемой рано кличет: «Полечу,--речет, - горлицей по Дунаю, намочу бобровый рукав в Каяле реке, утру князю кровавые его раны на отвердевшем его теле».

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале (стена крепости), приговаривая: «О Ветер, Ветрило! Почему, господин, так сильно веешь? Почему мечешь хановы стрелы на своих, не вей крыльями на моего лады (любимого) воев? Мало ли тебе будет гор под облаками веять, лелея корабли на синем море? Почему, господин, мое веселье по ковылю развеял?»

Ярославна рано плачет в Путивле городе на забороле, и кручинится: «О Днепр Славутич! Ты пробил еси каменные горы сквозь землю Половецкую, ты лелеял еси на себе Святослави посадки(ладьи) на полки Кобяковы; взлелей, господин, моего ладу ко мне, абы не слать к нему слез на море рано».

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, и кручинится:
«Светлое и трисветлое Солнце! Всем теплое и красное еси!
Почему, господин, простер горячие свои лучи на лады
моего воев, в поле безводном жаждою им лучи обернутся,
бедою им тулы заточет.»

Прыснуло море полуночное, идет с моря мгла. Князю
Игорю Боги путь кажут из земли Половецкой **на землю
Рускую** к отчему злату столу. Погасла к вечеру заря.
Игорь спит, Игорь бдит, Игорь мыслью поле меряет, от
великого Дона до малого **Донца**.
Придя в полуночи с конями, Овлур (сообщник по побегу
Игоря из плена) свистнул за рекою, это чтоб князь
уразумел. Кликнул: «Князю Игорю (в плену) не быть!».
Стукнула земля, зашумела трава, вежи половецкие
подвинулись. **И Игорь князь поскакал горностаем к
тростнику и белым гоголем на воду. Ввергся на
быстрого коня, и соскочил с него босым волком. И
побежал к лугу Донца, и полетел соколом под мглою,
избивая гусей и лебедей к завтраку, и обеду, и ужину.
Коли Игорь соколом в полете, тогда Овлур волком
бежит, трусая за собою студеную росу, ибо перетрудили
они своих быстрых коней!**(то есть Овлур мог волховать,
оборачивая и Игоря)

Донец речёт : «Княже Игорь! Не мало тебе величия, а
Кончаку не любия, а Руской земле веселия!» Игорь речёт :
«О Донец! Не мало и тебе величия, лелеявшему князя на
волнах, стлавшему ему зелёную траву на своих
серебряных берегах, одевавшему его теплыми мглами под
сенью зелёных деревьев; стерегущему его гоголем на воде,
чайками на струях, чернядьми на ветрах».

Не так ли, речет, река Стугна: худую струю
имея, пожирая чужие ручьи и струги (ладьи),
расширяющаяся к устью, и унесшая князя Ростислава,
затворившая его на дне при темной березе. Плачет мать
Ростислава, по юноше, князе Ростиславе. Поникли цветы
жалобно, и дерево от беды к земле преклонилось. И то не
сороки всполошились. По следу Игоря ездит Газак (казак)
с Кончаком. Тогда и вороны не граяли, и галки замолкли, и
сороки не трещали, полозы (змеи) только ползали
Дятлы тётотом путь к реке кажут, соловьи веселыми
песнями свет поведуют.

Молвит Газак (казак) Кончаку: «Если сокол к гнезду
летит, соколича (сына) расстреляем своими злаченными
стрелами». Речёт Кончак к Газаку: «Ежели сокол к гнезду
летит, то мы соколенка опутаем красною девицей (женят
пленного сына Игоря, Владимира, что и случилось)». И
речёт Газак к Кончаку: «Если его опутаем красною
девицею, то ни наш будет соколец, ни наша красная
девица, и начнут нас птицы бить в поле Половецком!»

(так и случилось, сын Игоря уехал от половцев с молодой женой к себе домой)

Рек Боян песнотворец старого времени ярославова, о походе на Святослава,— Олега, когана (правитель Хазарии) зятя : **«Тяжко той, голове без плеч, зло тому телу без головы»** —Руской земле без Игоря.

Солнце светится на небесах. Игорь князь в Руской земле. Девицы поют на Дунае, вьются голоса через моря, аж до Киева. Игорь едет по Боричеву к святой богородице (Ладе матушке, там же по преданию стояло и капище Перуну). Пиры, угощения. Страны -- рады, грады -- веселы. Поются песни старым князьям, а потом молодым поются:

«Слава Игорю Святославичю, Буй-Туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу(сын Игоря)!»

Здравие князьям и дружине, поборотой (побитой) из-за христианских поганых полков! (То есть в то время дружина у Игоря состояла из полков христианской веры и полков родной старой веры и всю вину за поражение автор слова возлагает на христианские полки поэтому то и эпос написан, как прославление именно древних богов и старины и дальше так же разделяется.)

Князьям слава!

А дружине (христианской её части) аминь!

Уточненный перевод сделан Велемудром

